

С. Л. Фирсов

«На закате»: православный приход в посткрепостнической истории Российской империи.

**Рецензия на монографию Алексея Львовича Беглова
«Православный приход на закате Российской империи:
состояние, дискуссии, реформы». (М.: Круглый стол
по религиозному образованию и диаконии, 2021. 1048 с.)**

УДК 659.131.84+271.2-9
DOI 10.47132/1814-5574_2022_4_332
EDN ZBIDHN

Аннотация: В статье автор рассматривает фундаментальную монографию доктора исторических наук А. Л. Беглова «Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы», увидевшую свет в конце 2021 г. В монографии, по мнению автора статьи, дается панорамная картина истории русского православного прихода — от эпохи Великих реформ Александра II до революционных потрясений 1917–1918 гг. Автор рассматривает концептуальные подходы А. Л. Беглова к исследуемой им теме, анализируя узловые моменты, связанные с попытками реформировать приход. В статье показано, что основные выводы монографии вполне подтверждаются документально, что попытки политизации приходского вопроса, отсутствие общественного консенсуса и единой воли в конечном итоге закономерно привели к тому, что этот вопрос так и не был успешно разрешен. С другой стороны, автор разделяет мнение А. Л. Беглова о том, что легализация «приходской революции» и ее последствий действительно имела место к весне 1918 г.

Ключевые слова: приход, Православная Российская Церковь, Святейший Синод, Собор, приходская реформа, революция.

Об авторе: **Сергей Львович Фирсов**

Доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии, профессор кафедры ЮНЕСКО ФГБОУ ВПО «Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена».

E-mail: sfirsoff@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2542-4489>

Для цитирования: Фирсов С. Л. «На закате»: православный приход в посткрепостнической истории Российской империи. Рецензия на монографию Алексея Львовича Беглова «Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы». (М.: Круглый стол по религиозному образованию и диаконии, 2021. 1048 с.) // Христианское чтение. 2022. № 4. С. 332–340.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 4

2022

Sergey L. Firsov

**“On the Sunset”: Orthodox parish
in the post-serfdom history of the Russian Empire.**

**Review of the monograph by Alexei Lvovich Beglov
“Orthodox Parish at the Decline of the Russian Empire:
Status, Discussions, Reforms”. (M.: Kruglyy stol
po religioznomu obrazovaniyu i diakonii, 2021. 1048 p.)**

UDK 659.131.84+271.2-9

DOI 10.47132/1814-5574_2022_4_332

EDN ZBIDHN

Abstract: In the article, the author examines the fundamental monograph of Doctor of Historical Sciences A. L. Beglov “Orthodox parish at the decline of the Russian Empire: state, discussions, reforms”, which was released at the end of 2021. In the monograph, according to the author of the article, a panoramic picture of the history of the Russian Orthodox parish is given — from the era of the Great Reforms of Alexander II to the revolutionary upheavals of 1917–1918. S. L. Firsov considers the conceptual approaches of A. L. Beglov to the topic he studies, analyzing the key points associated with attempts to reform the parish. The article shows that the main conclusions of the monograph are fully documented, that attempts to politicize the parish issue, the lack of public consensus and unanimous will eventually naturally led to the fact that this issue was not successfully resolved. On the other hand, the author shares the opinion of A. L. Beglov that the legalization of the “parish revolution” and its consequences really took place by the spring of 1918.

Keywords: Parish, Orthodox Russian Church, Holy Synod, Council, parish reform, revolution.

About the author: Sergey L’vovich Firsov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Church History of St. Petersburg Theological Academy, Professor of the UNESCO Department of the Herzen Russian State Pedagogical University.

E-mail: sfirsoff@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2542-4489>

For citation: Firsov S. L. “On the Sunset”: Orthodox parish in the post-serfdom history of the Russian Empire. Review of the monograph by Alexei Lvovich Beglov “Orthodox Parish at the Decline of the Russian Empire: Status, Discussions, Reforms”. (M.: Kruglyy stol po religioznomu obrazovaniyu i diakonii, 2021. 1048 p.). *Khristianskoye Chteniye*, 2022, no. 4, pp. 332–340.

В конце 2021 г. увидела свет монография московского исследователя, доктора исторических наук Алексея Львовича Беглова «Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы», изданная в серии «Церковные реформы» под редакцией доктора богословия прот. Николая Балашова. Публикацию указанной монографии следует признать событием неординарным, прежде всего потому, что впервые в современной отечественной историографии в ней проведен *всесторонний* анализ одного из самых сложных вопросов церковной жизни предреволюционной России — приходского вопроса. Даже более того, автор сумел не только рассмотреть приходской вопрос, но и написать работу об истории православного прихода *in corpore*.

Именно поэтому тема, избранная Алексеем Львовичем Бегловым, безусловно, должна быть признана и актуальной, и важной для церковной исторической науки, поскольку в течение десятилетий, вплоть до начала 1990-х гг., в Советском Союзе изучение прошлого Православной Российской Церкви было изначально предвзятым, преследовало не столько исследовательские цели, сколько цели идеологические, связанные с господствовавшим в стране официальным атеизмом.

В качестве аксиомы советские историки обязательно указывали на то обстоятельство, что, по их мнению, Церковь всегда являлась *лишь* «верным слугой» самодержавной государственности, врагом всех «прогрессивных» начинаний и выступлений передовых деятелей отечественной науки, литературы, публицистики, общественных деятелей. А поскольку самодержавие воспринималось и оценивалось сугубо негативно, то и Церковь, соединенная с ним «симфоническими узами», характеризовалась точно так же. Что именно представляла собой эта «симфония», специально не изучалось, хотя в конце XIX — начале XX вв. многие «нестроения» в отношениях Православной Церкви и Российского государства свидетельствовали об их кризисе. Однако отечественных ученых, вплоть до перестройки, более занимала (если занимала) борьба Церкви с «народными движениями», с революцией, поддержка ее архиереями и священнослужителями светских властей, чем многочисленные вопросы, порожденные синодальной «симфонией», которые волновали православных архиереев, клириков и активных мирян.

На мой взгляд, это наиболее ясно видно при рассмотрении вопроса о реформе православного прихода, полноценного анализа которого до сих пор проведено не было. Работа А. Л. Беглова эту лакуну закрывает. Нельзя сказать, что «приходской вопрос» игнорировался российскими учеными, в постсоветский период получившими возможность без идеологического давления изучать церковно-государственные отношения. Обращались к нему и западные исследователи (например, американский профессор Грегори Фриз, с исследованиями которого А. Л. Беглов хорошо знаком). Но никто из них, насколько мне известно, не смог столь глубоко и всесторонне подойти к названной теме, позволяющей понять, чем являлся приход как социальная структура, почему в его реформировании многие компетентные современники видели одну из принципиальных возможностей реформирования Православной Российской Церкви, считая, что реформы давно назрели и их откладывание *ad calendas graecas* может иметь фатальные последствия.

Впрочем, монография А. Л. Беглова много шире, чем следует из ее названия. Она представляет собой объемное исследование: число страниц в томе — 1048. Собственно, первую часть монографии можно считать своеобразным введением в проблематику, тем более что первая его глава («*Приход старый и новый*») целиком посвящена предыстории вопроса.

Оправдан ли такой подход?

Полагаю, что он может считаться в целом оправданным. Без рассказа о том, что представлял собой приход как в Древней Руси, так и в первые полтора столетия существования синодальной Церкви, вряд ли было бы возможно понять и объяснить причины его кризисного состояния как ко временам Великих реформ императора Александра II, так и в эпоху двух последних царствований. А. Л. Беглов показывает

процесс превращения духовенства в замкнутое сословие, справедливо отмечая, что процесс этот начался в XVIII в. Он также обращает внимание на то, что в веке XIX государственным интересам был подчинен и православный приход.

Особенно важным в этой связи представляется обращение автора к реформе 1808 г., ставшей закономерным результатом государственной политики, направленной на дезинтеграцию прихода и сельской/посадской общины, а также на подчинение духовного сословия (ставшего, по существу, «кастой») государственным интересам. А. Л. Беглов, к сожалению, специально не указывает, что это было закономерно и логично (опять же, с точки зрения общеимперских интересов, откровенно проводимых в жизнь со времен Петра Великого), но показывает на обширном материале, как это было и к чему привело. Регламентация приходского хозяйства, получившая свое обоснование в инструкции церковным старостам 1808 г. и приведшая к атрофии приходских институтов, стала новым шагом на пути к всеобщей унификации (тем более, что Российская империя была государством конфессионально пристрастным и ее правители достаточно прочно усвоили мысль о том, что самодержавие не терпит двоевластия ни в чем, включая Церковь). Появление «теневого приходской экономики» в этой ситуации следует признать побочным, но вполне естественным, если не неизбежным последствием политики унификации (или, используя выражение автора, «государственного утилитаризма»).

О том, как эту политику — прилагательно к приходу — пытались изменить, модифицировать, речь идет во второй главе работы («Приход и приходские преобразования в эпоху Великих реформ и в пореформенный период /1860-е — 1900-е гг.»). На двухстах сорока страницах А. Л. Беглов последовательно анализирует статистические материалы; проблему реформы прихода в контексте реформ 1860-х гг.; состояние прихода в городе и на селе; приходские попечительства; сословность духовенства в эпоху Великих реформ и в пореформенный период; приход как объект фискальной политики; «приходскую реформу по К. П. Победоносцеву».

В этой же главе автор рассматривает имперское законодательство о православном приходе к началу 1890-х гг. и приходские институты; мнения епархиальных пресвященных о приходских попечительствах; земские проекты переустройства православного прихода; исследовательские и публицистические работы (П. В. Знаменского, прот. Александра Иванцова-Платонова, А. А. Папкова); а также «случай Финляндии»: попытку изменений в жизни прихода на иноконфессиональной окраине империи.

Таким образом, во второй главе А. Л. Беглов затронул самые разные темы, попытавшись всесторонне показать и охватить все аспекты исследуемой им приходской проблемы. Проводя детальный анализ и статистического материала, и публицистических выступлений современников, касаясь «церковной рефлексии» на вопрос о реформе прихода, он осторожно замечает, что «сословность священников в Российской империи на рубеже 1900–1910-х гг. была все еще очень высока», а также что «консолидированное (духовное. — С. Ф.) сословие, как показала полемика вокруг приходского вопроса 1900-х гг., без всякого энтузиазма воспринимало перспективу большего участия прихожан в приходских делах» (с. 172, 173).

Думается, это — чрезвычайно важные замечания, позволяющие лучше разобраться в социально-психологических аспектах приходского вопроса, точнее сказать — в восприятии этого вопроса представителями православного духовенства. Вероятно, иначе и быть не могло, поскольку за многие десятилетия синодальной церковности сформировались специфические традиции отношений священника и пастыря (равно как архиерея и священника), радикально реформировать которые путем создания какого-либо нового законоположения было проблематично. Автор прав, когда пишет о приходской реформе «по Победоносцеву»: «противоречивые полумеры, призванные консервировать существующую ситуацию, не соответствовали политической и общественной обстановке начала XX в.» (с. 213).

В том-то, думается, и заключалась основная проблема: политическая и общественная обстановка в стране диссонировала с той моделью монархической

государственности, которая имела место быть в России, но лишь эту модель тот же К. П. Победоносцев считал единственно возможной, будучи сторонником «унификации» не в меньшей степени, чем синодальный обер-прокурор второй четверти XIX в. граф Н. А. Протасов.

К концу XIX в., в годы правления ведомством православного исповедания К. П. Победоносцева, имперское законодательство, касавшееся прихода, говорило о причте, о церковном старосте, о представителях прихода при освидетельствовании церковных сумм и приходском собрании. Эти четыре институции, как показывает А. Л. Беглов, не могли содействовать «оживлению прихода», о котором чем дальше, тем больше говорила православная общественность, церковные публицисты и исследователи. Проблема, на мой взгляд, в том и состояла, что реформа прихода была прочно увязана с общецерковными реформами, а эти последние — с демонтажем синодальной системы, то есть с «переформатированием» «симфонических отношений», существовавших между Церковью и царством. По большому счету, подобного «переформатирования» не желали и члены Св. Синода, искренне считавшие, «что право выступать с какими-либо предложениями о церковных преобразованиях принадлежит только ему».

А. Л. Беглов показывает это, говоря, среди прочего, о земских проектах. Как мне представляется, не следует также забывать, что подобные проекты, равно как и публицистические выступления русских церковных писателей (будь то Д. Ф. Самарин или А. А. Папков) не могли быть востребованы светской (имперской) властью еще и потому, что церковные вопросы/интересы не являлись для нее приоритетными. Автор настоящей работы, судя по представленным материалам, это прекрасно понимает.

Основная глава монографии А. Л. Беглова — третья («Приходская проблема в 1903–1916 гг. и попытки реформ»). Не преувеличивая, можно сказать, что сама по себе эта глава вполне может претендовать на то, чтобы быть представленной в качестве полновесной монографии. И дело не только в ее объеме (478 страниц). Дело в том, что в этой главе в развернутой форме представлены все основные моменты обсуждения приходского вопроса: его предыстория накануне и в годы Первой российской революции 1905–1907 гг.; рассмотрение в «Отзывах епархиальных преосвященных» 1905–1906 гг.; рассмотрение в работах Предсоборного присутствия 1906 г.; анализ деятельности Особого совещания для выработки проекта о православном приходе 1907 г.; судьба приходского устава в первые послереволюционные годы (1908–1911 гг.); обсуждение в публицистических сочинениях и научных работах 1908–1912 гг.; думские законопроекты; политическая борьба в 1911–1915 гг. (во время руководства духовным ведомством В. К. Саблера); наконец, преобразования в конце 1916 — начале 1917 гг., связанные с именем митрополита Петроградского Питирима (Окнова).

Автор скрупулезно изучил все основные предложения по реформированию православного прихода, выдвигавшиеся заинтересованными современниками, а также их критику, роль, значение и инициативы в приходском вопросе обер-прокуроров Св. Синода — П. П. Извольского, С. М. Лукьянова, В. К. Саблера, А. Н. Волжина. На огромном фактическом материале он доказал и показал, что именно финансовое бремя, лежавшее на приходах империи, особенно часто вызывало конфликты между прихожанами и священниками, что чем дальше, тем больше давал о себе знать кризис территориальности православного прихода. Постоянно подчеркивая пагубность нерешенности приходского вопроса для Православной Российской Церкви, А. Л. Беглов справедливо, на мой взгляд, отметил, что вопрос о соборной реформе возник в переписке митрополита Санкт-Петербургского Антония (Вадковского), С. Ю. Витте и К. П. Победоносцева «как следствие вопроса о приходской реформе» (с. 346). Следует признать верным и замечание исследователя о том, что приходской вопрос начиная с весны 1905 г. обсуждался в основном в трех аспектах: возможности выбора духовенства прихожанами, возможности распоряжения ими церковным имуществом и обеспечения клириков устойчивым содержанием (с. 352).

О том, как шло это обсуждение, А. Л. Беглов и рассказывает в связи с разными темами, выше отмеченными, в третьей главе. В некоторой степени его рассказ можно назвать и своеобразным очерком истории духовного сословия, но только в некоторой. Он умело показывает, что вопрос о приходской реформе — много шире и серьезнее «материального аспекта» (то есть вопроса о материальном обеспечении клириков). А. Л. Бегловым воссоздается, выражаясь его же словами, долговременная динамика приходской полемики. И это последнее, полагаю, следует отнести к несомненным его достижениям.

Так, проанализировав «Отзывы епархиальных архиереев», автор доказал, что значительное их число было сторонниками допуска прихожан к распоряжению церковными средствами, хотя приходская реформа мыслилась ими «как процесс, который должен был начаться незамедлительно и идти вместе с другими церковными преобразованиями, поддерживая их и получая поддержку от них» (с. 428). При этом он вынужден был признать, что не имеет ответа на вопрос о том, как были связаны мнения архиереев и их готовность непосредственно начать дело приходской реформы (с. 430).

На мой взгляд — в лучшем случае опосредованно. Русские епископы были людьми своего времени и своего сословия, неразрывно связанными с тем, что условно можно назвать «синодальной повседневностью». Рассуждать о ее изменении — это одно, изменять — совершенно другое. Удивительно хотя бы то, что архиереи нашли в себе силы заговорить о проблемах. Большого от них и требовать, к сожалению, было бы трудно. Впрочем, это отдельная тема, скорее имеющая отношение не к проблемам церковного реформирования начала XX в., а к социально-психологическим аспектам восприятия этих проблем в среде православных иерархов.

Замечательно подробно рассмотрен А. Л. Бегловым приходской вопрос в работах Предсоборного присутствия, IV отдел которого сформулировал цель приходской реформы как возрождение прихода в качестве церковной общины. Он показал, что большинство членов Присутствия желало реформировать приход «на основании синтеза иерархического и общинного начал с предоставлением общине прав самоуправления под контролем иерархии» (с. 546). Однако успех мог быть достигнут только в случае скорого созыва Собора, который, как известно, так и не был созван. Инициативу перехватила синодальная бюрократия. Думается, что подобный сценарий в тех условиях был единственно возможным: надежда на Собор таяла по мере подавления революции и восстановления — хотя бы относительного — порядка, то есть прежних форм управления Церковью.

В этой связи показательно, что, по мнению А. Л. Беглова, деятели IV отдела Предсоборного присутствия, который и рассматривал приходской вопрос, во многом не осознавали «той социальной реальности, которая порождала приходские и, шире, церковные проблемы начала XX в., а потому не могли предложить действительно эффективные пути их решения» (с. 473). К сожалению, не только деятели IV отдела были лишены подобного осознания, но и абсолютное большинство православных архиереев и иереев. «Осознавало» же подавляющее меньшинство, одним из которых, к слову, был В. О. Ключевский, призванный к участию в работах Предсоборного присутствия, но так и не приехавший в С.-Петербург. 22 октября 1906 г., в дневнике, он жестко констатировал: «Русской Церкви, как христианского установления, нет и быть не может; есть только рясофорное отделение временно-постоянной государственной охраны». Подобное мнение, по понятным причинам, деятели Предсоборного присутствия разделять не могли. Тем более что, по мнению самого А. Л. Беглова, с 1907 г. стала просматриваться тенденция политизации приходского вопроса, которая достигла своего апогея в 1916 г. (см.: с. 580).

Возвращаясь к монографии, следует вновь отметить проведенный А. Л. Бегловым детальный анализ докладов и статей церковных публицистов и исследователей — знатоков приходского вопроса: Н. Д. Кузнецова, Л. А. Тихомирова, И. С. Бердникова, М. А. Новосёлова и некоторых других. Его реконструкция «приходской полемики» позволяет понять не только, чем представления «правых» отличались

от представлений «либералов», но также и то, что подобное «идеологическое» деление прилагательно к приходскому вопросу не всегда возможно и должно быть признано в некоторой степени условным. Нельзя забывать и того, что некоторые публицисты рисовали портрет «идеального» (с их точки зрения) устройства прихода, не всегда ясно представляя, насколько сей «идеал» возможен в условиях реального времени. Однако, на мой взгляд, важнее отметить иное обстоятельство, показанное в работе: при разработке собственно синодальных проектов «права прихожан, поле их самостоятельности неуклонно сужались», все более отчетливо проводился «институтный» взгляд на православный приход. Причина этого выявлена А. Л. Бегловым достаточно четко: «консервация порядка управления церковной собственностью в приходе указывала на то, что он должен был оставаться финансовым донором, а не самостоятельно действующей „церковной единицей“» (с. 747). Ничего нового и удивительного, добавлю от себя, в этом не было: в условиях синодальной «симфонии» это являлось скорее закономерностью, чем каким-либо «нарушением» порядка церковных форм и методов управления.

В связи со сказанным попытки проведения приходских преобразований в последние месяцы существования самодержавной государственности в России заслуживают отдельного изучения и анализа. Понимая это, А. Л. Беглов и завершил третью главу обзором деятельности правительства Б. В. Штюмерера и имевшего скандальную репутацию митр. Питирима (Окнова). В сложных внутривластных условиях «вопрос о приходе оказывался включен в политическую линию правительства по установлению благожелательных отношений с народным представительством» (с. 750). Более того, как пишет автор, «приходский вопрос или отдельные его элементы оставались в политической программе правительства на протяжении всего года» (с. 798).

Показательно и то, что приходской вопрос вызвал новое противостояние Св. Синода и Государственной Думы. А. Л. Беглов на примерах показал и, главное, доказал, что центральным вопросом противостояния были границы компетенции народного представительства в церковной сфере. Конечно, автор прав, когда резюмирует: «разобщенность общества в последний год Российской империи достигла своего максимума» (С. 809), но дело, думается, было не только в этом. Проблема заключалась в том, что многоконфессиональная / многопартийная Дума с точки зрения синодальных членов не имела права решать церковные дела, в то время как депутаты имели по этому поводу совершенно иное мнение. Ситуацию могла изменить ликвидация прежней синодальной модели в ее петровском варианте. Однако как эту «ликвидацию» проводить (и проводить ли) в тех условиях, ни синодалы, ни сочувствовавшие делу приходской реформы думцы не знали. В результате сложилось парадоксальное положение, разрешенное революцией 1917 г.

Революционным пертурбациям посвящена заключительная, четвертая глава работы А. Л. Беглова («1917–1918: приход между „приходской революцией“ и „канонической реставрацией“»). В определенном смысле эту главу можно считать своеобразным «послесловием» к основному тексту, в котором А. Л. Беглов достаточно кратко говорит о «приходской революции» весны-лета 1917 г.; о попытках священноначалия ее обуздать; о приходском вопросе на Священном Соборе 1917–1918 гг.; и о православном приходе в советский период. Он совершенно верно указывает, что «приходская революция» была существенным элементом революции церковной, повторяя аналогичные события 1905 г., но имея другой размах (с. 814). Прежде всего он имеет в виду резкую активизацию столкновений прихожан с причтами, которые не характеризует (и справедливо) как проявление «антиклерикальных» настроений. Последние, конечно, имели место, но в данном случае корень проблемы следовало искать в другом — в указанной выше «приходской революции».

Лаконично пишет А. Л. Беглов о том, как пытался реагировать на нее Предсоборный совет, V отдел которого занимался проблемой «благоустройства прихода», а VII, среди прочего, рассматривал вопрос о приходском имуществе. Не разбирая подробно причины консервативности Собора, автор лишь констатировал, что принятый им

«приходский устав имел определенную консервативность в сравнении с предшествовавшими проектами. Собор сохранил территориальный принцип формирования прихода, ставивший под сомнение еще в конце XIX в., и отверг тщательно проработанную процедуру, которая позволяла учесть мнение прихожан при назначении в приход члена причта, делала принятие такого решения прозрачным. <...> Собор после нескольких драматических раундов голосования остановился на компромиссной идее о необходимости существования в приходе двух собственников имущества и двух юридических лиц, которая восходила к проекту Предсоборного присутствия и первым синодальным редакциям приходского устава» (с. 860).

Думается, следовало бы сказать несколько слов о том, почему голосование оказалось «драматичным» и что заставило соборян остановиться на принятии «консервативного» приходского устава. Понятно, что это не входит в основные задачи, которые ставил перед собой в данной работе А. Л. Беглов, но все-таки указанное пояснение содействовало бы лучшему пониманию «консервативности» членов Предсоборного присутствия и других участников решения приходского вопроса эпохи Первой российской революции.

Завершая исследование, А. Л. Беглов касается принципиального, на мой взгляд, момента, когда обращает внимание на то, что весной 1918 г. произошла легализация «приходской революции» и ее последствий. «Новые власти, — подчеркивает автор, — *невольно способствовали* этому — гонениями на Церковь и своим законодательством. Тем самым легализация „приходской революции“ стала возможна именно в условиях гонений; в ситуации мирного существования Церкви ее последствия были бы сильно ограничены, как это видно из проектов Священного Собора 1917–1918 гг. Однако именно самоуправление прихожан, ставшее следствием „приходской революции“, позволило Русской Церкви пережить первый натиск большевистских гонений 1920-х гг. и противостоять обновленческому расколу» (с. 866; со ссылкой на монографию А. Г. Полякова). Советская власть осознала свой просчет и в годы «великого перелома» нанесла удар по приходскому возрождению (с. 868).

Подчеркивая тезис о самоуправлении прихожан, А. Л. Беглов, со ссылкой на Г. Фриза, пишет, что, по оценкам последнего, до 2/3 священников, служивших к концу 1920-х гг., не были выходцами из духовного сословия (с. 867). К сожалению, согласиться с сим сенсационным заявлением уважаемого профессора достаточно проблематично: получается, что всего за 10 лет «кадровый состав» прежнего православного духовенства удивительным образом обновился. А куда исчезли прежние десятки тысяч (почти 50 тыс. священников на 1913 г.)?

Вопрос остается без ответа, даже с учетом репрессий времен Гражданской войны и вынужденной эмиграции нескольких сотен православных клириков.

Полагаю, что дело было не в сенсационном «обновлении», а в «приходской революции» как таковой, заставившей православных пастырей по-новому взглянуть на свои отношения к приходскому вопросу в целом и к прихожанам в частности. А. Л. Беглов абсолютно прав, когда указывает, что после Февраля 1917 г. «прихожане явочным порядком реализовали ту реформу, о которой так долго говорили энтузиасты приходского вопроса». Миряне стали распоряжаться церковно-приходским имуществом, отстранять и выбирать членов причта.

Последнее, как справедливо замечает автор, и запустило процесс разрушения духовного сословия. Правда, по мнению А. Л. Беглова, процесс этот завершился в 1920-е гг. Если под разрушением понимать ликвидацию сословной замкнутости, то, безусловно, 1920-е гг. следует признать важной вехой на пути к уничтожению духовного сословия *как сословия*. Если же, вслед за Г. Фризом, говорить о тотальном (на две трети!) «обновлении» священнического корпуса, то едва ли. Получается, что в условиях беспримерных гонений на Церковь и веру, с учетом непрерывно сокращавшегося числа приходов и ликвидации священнических мест, священниками решили стать сотни (если не тысячи) представителей иных сословий. Следует определиться.

Подводя итоги проделанной А. Л. Бегловым огромной работы, следует отметить, что ее объем создает некоторые трудности при чтении; в некоторых местах работа напоминает обширную справку, от сокращения которой общий контекст никак не пострадал бы. Бросается в глаза и явная непропорциональность глав. Понятно, что все это — «технические мелочи», никак не влияющие на общую исключительно высокую оценку этой замечательной книги.

Следует особо отметить материалы, включенные А. Л. Бегловым в «Приложения». Они имеют самостоятельную ценность, помогая заинтересованному читателю лучше понять динамику развития православных приходов Российской империи в последние 50 лет ее существования, рост числа священников «епархиального ведомства», среднее число верующих, приходившееся на одного священника, среднюю площадь православного прихода и многое другое. Материалы «Приложения» можно назвать энциклопедическими справками, без которых многие факты, приводимые в работе, выглядели бы менее убедительно.

В целом, не будет преувеличением сказать, что монография Алексея Львовича Беглова вносит существенный вклад в изучение истории Православной Российской Церкви синодального периода, что она написана с глубоким и всесторонним знанием источников и литературы, а ее автор должен быть признан лучшим (на сегодняшний день) знатоком одного из сложнейших вопросов — вопроса о состоянии православного прихода Православной Церкви эпохи «заката» Российской империи.